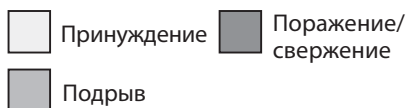
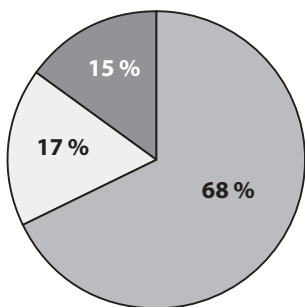

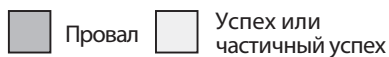
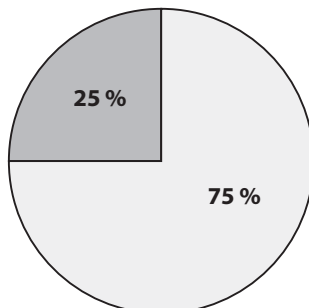
Большинство операций поддержки сопротивления осуществлялись в условиях военного времени и почти в два раза чаще оказывались успешными, чем аналогичные в условиях мирного времени. Операции поддержки сопротивления в военное время оказывались успешными в 60 % случаев. Из всех операций поддержки сил сопротивления, проведенных в мирное время, успешными были лишь немногим более трети.

Поддержка сопротивления наиболее эффективна, когда осуществляется не как независимая кампания и не в рамках главного удара, а непосредственно в поддержку военной кампании. В немногим более одной трети случаев поддержка сопротивлению оказывалась в дополнение к военной кампании, и два из трех таких случаев имели успех. Оставшиеся две трети операции — это либо независимые операции, либо операции главного удара; из них успех имели около половины. Исследователи Дэвид Такер и Кристофер Лэмб в своей работе 2007 г. об американских силах спецопераций (United States Special Operations Forces) приводят утверждение, уже ставшее притчей во языцех: НБД «имеют наибольший эффект в тесном взаимодействии с крупными конвенциональными военными формированиями, способными занять силы противника настолько, чтобы те не смогли выследить передвижения неконвенциональных подразделений».¹⁶ В данной работе это утверждение подтверждается, и этому способствует, вероятно, целый ряд причин. Во-первых, поскольку силы безопасности противника в это время противостоят значительным конвенциональным силам, это обеспечивает операциям с применением НБД определенную стабильность, во-вторых, при ведении НБД в поддержку крупных кампаний, по крайней мере до некоторой степени, оказываются простительными мелкие тактические просчеты; когда же подобные проколы происходят в рамках независимой операции или операции главного удара, предусматривающей поддержку сопротивления, последствия, как правило, бывают катастрофические.

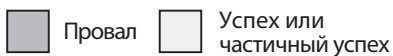
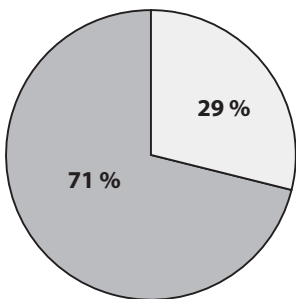
Классификация примеров по цели операции

Статистика успешности поддержки сопротивления с целью принуждения

Статистика успешности поддержки сопротивления с целью свержения

Статистика успешности поддержки сопротивления с целью подрыва

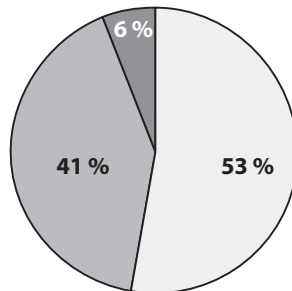

Рис. 1. Классификация примеров по целям операции.

Источник: автор

В целом, начиная с 1940 г. поддержка сопротивления оказывалась наименее эффективна как инструмент свержения режима и наиболее эффективна как средство принуждения. Операции в поддержку сопротивления с целью свержения режима с 1940 г. имели успех 29 % от этого времени, и только 17 % из таковых, проводимых в мирное время, имели успех. Большинство операций проведено именно в мирное время; единственную операцию по свержению режима, проведенную в военное время (Афганистан в 2001 г.), ждал успех. Операции, проводимые с подрывными целями, оканчивались успешно в 53 % случаях. Аналогичным образом успех имели 75 % операций поддержки сил сопротивления, проведенных с целью принуждения (сюда включены две частично успешные миссии), в мирное же время результативными оказались 80 % таких операций. Отсюда явно следует вывод, что использовать эти операции в целях принуждения — эффективнее всего. В годы после холодной войны с целью свержения были проведены три из семи проведенных операций (43 %), и успех имели две из трех. По примерам подрывных операций статистика точно такая же.

Почти половина всех провалов операций по поддержке сопротивления связаны с разглашением данных о миссии из-за брешей в системе безопасности. Не менее восьми из 20 проваленных операций сопровождалась тем, что руководство и силы безопасности страны, в которой они проводились, оказывались осведомлены о грядущей операции еще до ее начала. На заре холодной войны в таких странах, как Румыния, СССР, Польша, страны Балтии и Югославия, сброшенные на парашютах оперативники неизменно сталкивались на земле с агентами безопасности, которые уже ждали их в месте высадки. То же произошло почти со всеми агентами, заброшенными во время вьетнамской войны в Северный Вьетнам. В 1961 г. о подготовке десантной операции в заливе Свиной, а также о тренировке повстанцев под руководством армейского спецназа США на секретной базе в Гватемале за несколько недель до операции

написали в «Нью-Йорк таймс» и других американских газетах. Когда операция в итоге началась, она не стала для Кастро сюрпризом и не застала его врасплох.

Поддержка ненасильственного сопротивления имеет больше шансов на успех, чем поддержка вооруженного сопротивления. Данное исследование подтверждает выдвинутый другими учеными тезис о том, что «внешняя поддержка ненасильственных оппозиционных движений с большей вероятностью приведет к желаемым результатам, чем внешняя поддержка движений насильственного характера».¹⁷ Данный вывод невозможно сделать только лишь на рассмотренных в этой работе примерах. Судя по имеющейся рассекреченной информации, существовали лишь два случая поддержки Соединенными Штатами ненасильственного гражданского сопротивления, из которых оба закончились успешно. Но, конечно, статистически этого количества недостаточно, чтобы сделать выводы. Данная область заслуживает более детального изучения, и такая работа уже ведется: в Университете Денвера сейчас исследуют внешнюю поддержку ненасильственного сопротивления.

Поддержка сопротивления чаще всего способна решить не долгосрочные, а назревшие краткосрочные вопросы. Стремление увидеть в операциях поддержки сопротивления долгосрочный эффект, последствия второго — третьего порядка, безусловно, похвально, но столь значительный эффект эти операции дают не всегда. Политические решения по действиям, включающим поддержку сопротивления, чаще всего принимаются для решения требующих незамедлительного вмешательства вопросов. Есть немало тех, кто считает, что американская помощь 80-х гг. афганским моджахедам имела долгосрочные последствия — в виде возникновения антиамериканских террористических группировок, таких как «Аль-Каида» и «Талибан». Вывод, конечно же, в том, что Соединенным Штатам не следовало помогать моджахедам. Но когда историю рассматривают

сквозь призму суждений задним числом, картина получается искаженной. Как написал Уильям Доэрти, «Президенты не ясновидцы... они действуют исходя, как им кажется, из наилучших побуждений и интересов страны и мира и могут лишь надеяться на то, что войдут в историю как мудрые руководители». ¹⁸ Строго говоря, читая об исторических событиях, нужно всегда прикидывать в уме альтернативу. «Если бы в 1979 г. США не стали поддерживать афганское сопротивление, — утверждает Доэрти, — то, возможно, удалось бы затормозить рост исламофашистского терроризма, но при этом стало бы более длительным и масштабным влияние СССР», что для мира представляло большую угрозу, чем терроризм. ¹⁹

Не следует также забывать, что бывший Советский Союз в гораздо большей степени ответственен за рост исламского экстремизма, поскольку осуществил вторжение и оккупировал страну, а США всего лишь пришли на помощь афганским повстанцам. Исламский экстремизм пробудился бы в любом случае, вмешались бы Штаты или нет.

Для всех приведенных в работе 47 примеров характерна одна общая черта: государство управлялось либо недружественной оккупационной силой, либо репрессивным авторитарным режимом. Много написано в последнее время о глобальном упадке демократии и подъеме авторитарных форм правления: однопартийные системы, авторитарные лидеры или самовластные военные хунты либо сохранили свое существование, либо захватывают контроль над странами, чье население хотя бы однажды имело опыт демократии или опыт того, как попираются свободы, которые у них когда-то были. ²⁰ В некоторых больших странах сильные лидеры остаются у власти в течение многих лет, некоторым даже удается объявить себя пожизненными президентами. Тактика, применяемая многими из них для удержания власти, состоит в арестах политических соперников

или в выдавливании их на политическую периферию, тщательном отборе угодных претендентов для обеспечения «блестящих» побед на выборах, установлении контроля над судебной системой, перекрытии доступа граждан в интернет вплоть до его блокирования, удушении свободы слова, подавлении всех форм протеста, цензуре и запугивании СМИ, заключении под стражу и нейтрализации другими способами несогласных журналистов. Некоторые весьма известные мировые лидеры, говоря языком двух писателей, «медленно, но верно берут курс на демонтаж демократии».²¹ Другие правительства получают характеристику «нелиберальных демократий»: в них, выражаясь словами посла Джеймса Доббинса, «представительные учреждения если и не представляют собой ловушку для населения, то по крайней мере их полномочий недостаточно для того, чтобы контролировать власть предрержащих», а кроме того, там «процветают коррупция и преступность».²²

Один исследователь международных отношений делает вывод о том, что «в мире происходит более серьезный откат от демократии, чем в 30-е гг. XX в. во время подъема фашизма».²³ Еще один аналитик приводит выдержку из исследования, согласно которому «персоналистский авторитарный правитель» — это активный авантюрист, который ведет себя на международной арене непредсказуемо, часто осуществляет рискованную внешнюю политику, «способен вести взрывоопасную политику, не думая о последствиях».²⁴ Сегодня в эту категорию попадают несколько стран. Дерзкие экспансионистские тенденции продемонстрировали Россия и Китай, из-за этого восточноевропейские страны принялись изучать опыт применения сопротивления и НБД в качестве оборонительной меры.

Смысл вышесказанного в том, что условия, которые складываются по всему миру, могут привести к народным недовольствам — в этой среде исторически зарождаются движения

сопротивления. Сопротивление может принять как мирную, так и немирную форму. В соответствии с исследованием 2017 г. о факторах и тенденциях конфликта, «крайне нестабильный характер» имеет тенденция к антиправительственным выступлениям. В той же работе утверждается, что «в последние годы растет число случаев партизанской войны», которая «похоже, из всех форм насилия является наиболее живучей, и набирает обороты, даже когда другие типы конфликта сходят на нет».²⁵

Некоторые из перечисленных нестабильных моментов могут угрожать интересам США. Американские дипломаты, разведчики и оборонные эксперты значительно бы выиграли, если бы им удалось научиться точнее прогнозировать активизацию сопротивления, и там, где под угрозой оказываются американские интересы, удалось бы быстро выработать сценарии ответа на межведомственном уровне и возможной интервенции. Изучение прошлых попыток оказания поддержки сопротивлению помогает лучше понять, какие условия для интервенции путем оказания помощи сопротивлению более благоприятны, а каких подходов следует избегать.

Как уже указывалось выше, в трех последующих главах рассматриваются три категории целей и задач НБД, описанные в концепции совместных действий боевого применения сил и средств различных видов ВС США: подрыв, принуждение, свержение. В конце главы 1 приводится краткое описание всех американских операций по поддержке сопротивления или освободительных восстаний, проведенных с подрывной целью.